

**«ПРО ЖИВЫЕ ИЗМЕНЕНЬЯ
СЕРДЦУ МИЛОГО ЛИЦА!»:**

М. А. Хитрово и его неизвестная пародия на Фета

В июне 1869 года А. Фет гостил у графа А. К. Толстого в Красном Роге, о чем позднее упомянул в своих воспоминаниях.¹ 12 мая Толстой писал: «Ждем Вас к 8 июня, милый и добрый Афанасий Афанасьевич <...> мне не нужно говорить, что мы все Ваши самые искренние почитатели».² В число этих «всех» входил и автор стихотворения, о котором пойдет речь в нашей статье, — зять хозяина дома, М. А. Хитрово.³ 9 мая Толстой писал княгине Л. И. Сайн-Витгенштейн в Рим, что племянница его жены благодарит за «милые поздравления»: «Она в настоящее время у нас, и ее муж, находящийся в Петербурге, не замедлит присоединиться к ней».⁴ Фет в своих воспоминаниях также называет в числе обитателей Красного Рога «блестяще образованного молодого человека Х—о».⁵

Дипломат и поэт Михаил Александрович Хитрово (1837—1896) был правнуком М. И. Кутузова. (На дочери фельдмаршала Анне Ми-

¹ *Фет А.* Воспоминания: В 3 т. <М.,> 1992. Т. 2. С. 180—187.

² *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 4. С. 361.

³ См. о нем: *Фетисенко О. Л.* 1) Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 97—146; 2) Из босфорского table-talk 1874 года (М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии) // *РЛ*. 2016. № 1. С. 80—89. Племянница (по официальной версии) жены графа, Софьи Андреевны, Софья Петровна Бахметева, в замужестве Хитрово (1848—1910), была на самом деле ее внебрачной дочерью от князя Г. Н. Вяземского, усыновленной братом, П. А. Бахметевым.

⁴ *Толстой А. К.* Собр. соч. Т. 4. С. 359.

⁵ *МВ*. Ч. 2. С. 185.

хайловне был женат генерал-майор Николай Захарович Хитрово, их сын Александр Николаевич был вице-губернатором в Калуге.) В юности М. А. Хитрово — прапорщик Вольтижерской команды лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, с 1859 года служил переводчиком в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В январе 1861 года он был назначен управляющим в только что открытое консульство в Битоле (в Македонии) и через год был утвержден в должности консула.⁶ Близкий по убеждениям московским славянофилам, Хитрово стал негласным корреспондентом газеты И. С. Аксакова «День», а в «Русском вестнике» в 1863 году под измененным инициалом («А. Хитрово») опубликовал этнографический очерк «Поездка на Прилепскую ярмарку и в монастыри Св. Архангел и Тресковец (Из путевых записок)».

Энергичная, но не всегда обдуманная деятельность консула подвигла министерское начальство удалить Хитрово с его поста: в 1864 году его перевели на должность второго секретаря посольства в Константинополе. Здесь под началом свойственника (Н. П. Игнатьев был мужем троюродной сестры Хитрово) он прослужил до конца 1860-х, когда, устав от канцелярской работы, добился перевода на необременительный и не требующий постоянного присутствия на месте пост дипломатического агента МИД в Одессе. На Босфор он вернулся в 1872 году, став генеральным консулом. Наиболее яркий эпизод дальнейшей дипломатической карьеры Хитрово — его недолгая служба в Софии, откуда он был отозван в 1883 году по личному требованию князя Александра Баттенберга;⁷ последним же местом службы (с 1892 года) стал Токио, откуда Михаил Александрович слал предупреждения об опасности для России сближения с Китаем.

Младшему современнику князю Э. Э. Ухтомскому Хитрово запомнился как «блестящий, интересный человек, величавый барин» и «большой Дон-Жуан»,⁸ так же и К. Н. Леонтьев, знавший Хитрово с детства,

⁶ Несколько донесений этого периода см.: *Сенкевич Г.* Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М. А. Хитрово) // Славянский архив: Сб. статей и материалов. М., 1963. С. 240—251. См. также: *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. О более поздней дипломатической деятельности Хитрово см. в воспоминаниях его младших современников: *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906. С. 138—142; *Арбузов Н. К.* Из воспоминаний о Царь-граде (1880—1882) // *ИВ.* 1914. № 12. С. 801—837.

⁷ См.: *Косик В. И.* Русская дипломатия и генералы в Болгарском княжестве, 1881—1883 годы // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 18—28.

⁸ *Лукьянов С. М.* Записки бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский архив. М., 1992. Вып. 2—3. С. 401.

полагал, что его приятелю было ниспослано все необходимое для преуспевания: «Знатный род, красота и физическая сила; — выгодные связи; острый ум и смелость; твердость духа; образованность; литературный даже дар...»; но, считал он, эти дары были бездумно расточены («...что осталось? Какая память? — У кого?»⁹): к концу жизни Хитрово пришел непризнанным¹⁰ и в огромных долгах. Несчастливым оказался его брак с кузиной Софьей, которая войдет в историю русской культуры как мистическая возлюбленная Вл. С. Соловьева;¹¹ не получила признания его поэзия. Тщательно составленный и изящно изданный в 1881 году томик его стихотворений¹² вызвал единственную рецензию В. П. Буренина, оценившего лирику Хитрово как дилетантскую, если не школярскую («повторение пройденного», подражание поэтам не великим, «не из самых первостепенных, а из средних»¹³), а его «политические» стихотворения — как «газетные стишки с вымученными рифмами», в которых отсутствует даже необходимое в подобном жанре «одушевление».¹⁴

Константинопольский сослуживец Хитрово К. А. Губастов тоже отозвался о его лирических произведениях весьма не комплиментарно: «Довольно хорошие по форме и по стиху, они не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной мысли. Их прочтешь и тотчас же забудешь, без желания прочесть их вновь».¹⁵ Гораздо выше ценились выполненные Хитрово переводы, главным образом из Гейне. Вл. Соловьев, к приме-

⁹ Письмо к К. А. Губастову от 25 марта 1891 г.: Русское обозрение. 1897. № 7. С. 423—424.

¹⁰ Он и умер скоропостижно («гуляя по саду своей дачи на Аптекарском острове»; см.: *Энде*. В большом свете // Новости и Биржевая газета. 1896. 5 июля. № 183. С. 2) после резкого разговора с министром 29 июня 1896 г., о котором см.: *Губастов К. А.* <Мемуары> // Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула. С. 140—141, 144—145.

¹¹ Как известно, Фет тоже отдал дань восхищения С. П. Хитрово. См.: *Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 133—149. Один из приятелей Вл. Соловьева не случайно прозвал Софью Петровну «царицей Савской» (*Кристи И.* Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2016. С. 67).

¹² *Хитрово М. А.* Стихотворения. СПб., 1881. 184 с. За полгода до смерти автора вышло расширенное издание: *Хитрово М. А.* Стихотворения. 2-е изд. СПб., 1896. 251 с.

¹³ Перечислены Фет, Полонский, А. Толстой и Майков.

¹⁴ *Буренин В. П.* Литературные очерки // *НВр*. 1881. 5 июня. № 1891. С. 2.

¹⁵ Цит. по: *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула. С. 141. В том же духе высказался и Леонтьев, отметивший, что стихи Хитрово «бесцветные по духу и слишком общие по манере» (Русское обозрение. 1897. № 7. С. 423).

ру, признал их «образцовыми» «по точности и изяществу».¹⁶ Но известность (в светском обществе) принесла Хитрово та часть поэтического творчества, что не предназначалась для печати. Он славился как мастер эпиграмм, пародий, сатирических акростихов, мадригалов и других жанров салонной поэзии. В списках ходили целые поэмы (самой известной из них была «Сан-Стефаниада»), обсуждались его сатирические сцены из современной жизни, передавались друг другу в письмах лучшие образцы его иронических стихов.

До конца жизни (мемуары писались в 1910-е годы) помнивший наизусть острые сатиры своего сослуживца Губастов полагал, что для широкой публики они едва ли представят интерес, «потому что написаны на лиц, известных только друзьям и знакомым Хитрово».¹⁷ Но по прошествии времени это замечание легко можно поправить, ведь многие из «воспетых» им были действующими лицами «большой истории» (Н. П. Игнатъев, князь В. А. Черкасский, К. Н. Леонтьев, А. С. Ионин и др.). Большой интерес и историко-литературную ценность представляет и пародия на Фета, созданная под впечатлением упомянутой в начале статьи встречи в Красном Рого у графа Толстого, где Фет гостил со своим зятем И. П. Борисовым.

Черновой автограф¹⁸ стихотворения, написанного четырехстопными хореем с чередованием мужских и женских рифм, обнаружен в Рукописном отделе ИРЛИ в фонде Хитрово (Ф. 325. Оп. 1. № 1. Л. 25—25 об.). Трудно установить точную дату его создания. Внизу листа авторская датировка: «лето 69 г.» (Л. 25), но на обороте чистого л. 26 рукой автора поставлена другая дата: «6 Октября». Не ясно, дата ли это правки, которая здесь весьма обильна, время ли написания (в таком случае слова «лето 69 г.» просто обозначают период, с которым стихотворение связано, — время личного знакомства с Фетом). Забытое стихотворение (нельзя с уверенностью утверждать даже, что рукопись была перебелена), в сущности, не выделяется из ряда многочисленных пародий на Фета Д. Д. Минаева и иже с ним: по традиции, высмеивается сочетание в одном образе поэта, одержимого сумбурными «видениями» и пишущего «невинные стихи»,¹⁹ и страшного «ретрограда», не обходится вниманием и его «уланское» прошлое. Финальные строки отсылают к одному из самых известных (и часто пародируемых) стихотворений Фета «Шепот, робкое дыханье...» («Свет ночной, ночные тени, /

¹⁶ ВЕ. 1896. № 8. С. 905.

¹⁷ Цит. по: Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула. С. 141.

¹⁸ Карандашом, последние две строки чернилами.

¹⁹ Ср. у Минаева: «Я срываю шишки с ели, / Незабудки рву / И пою, пою без цели... / Вот чем я живу» (Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 70).

Тени без конца, / Ряд волшебных изменений / Милого лица...»). Даже само название пародии «Звуки, звуки» обнаруживает переключки не только с самим пародируемым «объектом» («Какие-то носятся звуки / И льнут к моему изголовью»), но и с образцами ближайших предшественников-сатириков. Ср.:

..... как поэт
Грезит у камина Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал, — и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет...²⁰

Стихотворение Хитрово, как увидит читатель, вполне годилось бы для иллюстрированного журнала: оно очень картинно, его легко можно сопроводить рядом шаржей (причем помимо основного «портретируемого» там назван ряд реальных лиц — Тургенев, П. Виардо, Ф. Лист, «незабвенный Николай», т. е. Николай I — и обобщенных образов, хорошо берущихся на карандаш карикатуриста — «злое племя нигилистов», «враги Руси»). Отличие от пародий «Искры» состоит в несколько большей мягкости тона и в том, что Минаев подчеркивает «крепостничество» Фета (ср.: «Этой ночью благовонной, / Не смыкая глаз, / Я придумал штраф законный / Наложить на вас»²¹), а Хитрово эту тему вовсе не затрагивает. По-видимому, откликаясь на какие-то бывшие у него с Афанасием Афанасьевичем разговоры, он рисует образ сокрушителя внутренних и внешних «врагов Руси».²² Тут необходимо пояснить, что Хитрово, судя, по крайней мере, по его непрерывным спорам с К. Леонтьевым,²³ придерживался либеральных взглядов, защищал «прогресс», так что и с Фетом ему было о чем поспорить.

²⁰ Поэты «Искры». Т. 2. С. 61.

²¹ Там же. С. 59.

²² Не исключено, что «летом 69 г.» гости графа Толстого обсуждали новинку политической литературы — печатавшуюся в журнале «Заря» книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Это было время, когда Германия завершала свое объединение и набирала силы перед войной с Францией, готовясь окончательно установить свое доминирование в «европейском концерте». Отсюда — упоминание в стихотворении именно «немцев», а не кого-либо иного. По нашему мнению, с книгой Данилевского связан еще один образ публикуемого текста: «Юной Руси Дон-Кихот». «Юная Русь» — это не «молодая Россия» эпохи «великих реформ», как можно подумать (было бы абсурдом, если бы ратование за эти реформы приписывалось Фету), а намек на сделанное Данилевским и разделяемое почвенниками и славянофилами противопоставление «отживающего мира» Запада «свежему», способному сказать «новое слово» славянскому миру, возглавляемому Россией.

²³ Отголоски этих споров см. в записках Леонтьева «Моя литературная судьба» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 72—

Итак, перед нами новообретенное посвящение-пародия:

Звуки, звуки

Я мечтаю, вдохновееньё
Шумно²⁴ сходит на меня
И меня воображенье
Дразнит,²⁵ в мир иной маня.
Я горю как в лихорадке,
Чей-то голос мне поет,
В страшном смутном беспорядке²⁶
Ряд видений восстает.
То концерт я слышу Листов,
Там Тургенев и Вьярдо,
Злое²⁷ племя нигилистов,
Немцев гадкое гнездо.
Зрю себя в броне железной,
Юной²⁸ Руси Дон-Кихот,
Я с Борисовым в полезный
Собираюся поход
На врагов Руси! Авось я,
Осеньясь большим крестом,
Разобью им переносья
И поленом и пестом.²⁹
И тогда-то вновь вернется
Счас<т>ье прежнее в наш край,³⁰
Из могилы улыбнется
Незабвенный Николай.
<Нет> Ни прессы,³¹ ни науки

139) и в эпиграммах Хитрово на Леонтьева именно как на консервативного мыслителя (см.: Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула. С. 122–127, 129–130).

²⁴ Было: Тихо

²⁵ Было: Тешит

²⁶ В предыдущей строке зачеркнуто: И в каком-то бес<порядке>

²⁷ Было: Дале

²⁸ Вписано поверх слова Русской

²⁹ Справа на полях подписан вариант:

Немцам, мать я их <...>

Им с размаху переносья

В кровь поленом расшибу

³⁰ Было:

[И тогда вновь вернется] / [И тогда-то к нам вернется / вновь вернется]

[Время прошло<е> опять

Незабвенный улы<бнется> /

Время сгинувшее к нам

Н]

³¹ Перед этим зачеркнуто: пресса

Все по старому опять,
И невинные³² от скуки
Буду вновь стихи писать
Про акацы, про сирени,
Про улана молодца,
Про таинственные тени,
Про живые измененья
Сердцу милого лица! —

Красный Рог лето 69 г.
Посвящено Фету —

Стихотворение это достойно занять место в венке иронических посвящений Фету. Для его биографов оно несет немаловажную информацию о том, что занимало Фета в конце 1860-х годов. Не трудно прокомментировать его, указав не только реминисценции и прямые цитаты из стихотворений, но и отсылки к его статьям (в первую очередь — «О стихотворениях Ф. Тютчева» со знаменитой максимой: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик»).

Интересно также взглянуть, как много в лирических стихах самого Хитрово тех именно мотивов, которые ассоциируются с поэзией Фета и которые акцентированы в новонайденной пародии (так что Хитрово отчасти смеется и над самим собой³³). Стихотворения, вошедшие в сборник 1881 года, не датированы, в периодике из них публиковались лишь некоторые «политические» стихотворения, посвящения и произведения «на случай»; поэтому, обращаясь собственно к *лирике* Хитрово, невозможно с точностью установить, что было написано до встречи в Красном Роге, а что после. Думается, важно другое: на фоне разнообразных «перепевов» Гейне, Тютчева, даже Кольцова, здесь господствуют, переплетаясь, два основных влияния — А. Толстого и Фета. В открывающем книгу разделе «Впечатления и песни» заметно преобладает фетовское начало, и даже нет смысла перечислять хорошо всем известные приметы этого поэтического стиля. Вот лишь два примера (поскольку стихотворения Хитрово никогда не переиздавались и со-

³² *Было*: уланские

³³ Над таким, к примеру, романтическим клише:

Тихий ангел вдохновенья,
Крыльями звеня,
В оный мир отдохновенья
Уноси меня.

(Хитрово М. А. Стихотворения. СПб., 1881. С. 14). Если даже именно это стихотворение («Ночью, в тихий час видений...») и появилось позже 1869 г., картина не изменится. Подобные примеры можно отыскать во многих произведениях Хитрово.

вершенно неизвестны современному читателю, имеет смысл воспроизвести их целиком, страницы указаны по изданию 1881 года):

Юг заснул, благоухая,
В мире бродят сны.
Что за музыка морская!
Звуки ночи, замирая,
Грустию полны.
Море дышит. Серебрится
На море волна;
Как влюбленной, ей не спится,
И к ногам моим ложится
С ропотом она.
И куда ни глянет око —
Все в волшебном сне...
И стою я одиноко...
Милый образ издалека
Улыбнулся мне...

(С. 12)

Лунная ночь

Быстро тающие тучи
В выси темно-голубой,
Воздух влажный и пахучий,
И влюбленный, и могучий
Моря страстного прибой.
Тьмы и света сочетанья, —
Воплотившиеся сны,
Вы полны очарованья,
Бесконечного желанья
Вы страданьями полны...
О! за что в такие ночи
Не дано нам вместе жить!
И, глядя друг другу в очи,
Всей душой, изо всей мочи —
Мыслить, верить и любить!

(С. 18)

Стихотворение «Лето» начинается прямой отсылкой к знаменитому толстовскому «Звонче жаворонка пень...», но и в него вплетены краски и звуки поэзии Фета.

В знойном воздуха дыханьи,
В небе голубом,
В жарком трав благоуханьи,
В говоре лесном,
В громком жаворонка пеньи
И в жужжаньи пчел,

В муравьином копошеньи
Суетливых сел,
В красоте благословенной
Бесконечных нив —
Всюду силы сокровенной
Чуется прилив!
И струя ее живая,
Как сотовый мед,
Чашу жизни наполняя,
Через край идет!

(С. 23)

Этот гимн, льющийся жаркой и стремительной музыкальной волной, свидетельствует о том, что Хитрово если и был в поэзии не первооткрывателем, а «повторителем пройденного» (по Буренину), то по крайней мере одним из самых лучших «повторителей», то есть был не эпигоном, а вдумчивым и ироничным учеником.